

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

Социально-демографические эффекты модернизации помещичьих имений Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в.

Руслан Магометович ЖИТИН, Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ ,

Максим Анатольевич ОБЛИЦОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

a-topil@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы особенности влияния социально-экономической деятельности землевладельцев на окрестное крестьянское население. Установлено, что сравнение демографических параметров жителей сел, проживающих в районах крупных капиталистических хозяйств и вне этих районов, позволяет оценить степень культурных и социальных трансформаций традиционного населения под влиянием модернизационных процессов. Показано, что отход на заработки к помещикам и изменение структуры сельской занятости модернизовало поведение крестьянства, отражаясь на комплексе их брачных характеристик.

Ключевые слова: помещичье хозяйство, сельское хозяйство, Российская империя, Тамбовская губерния, модернизация, крестьяне

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 23-28-01782).

Для цитирования: Житин Р.М., Топильский А.Г., Облицов М.А. Социально-демографические эффекты модернизации помещичьих имений Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века // Державинский форум. 2025. Т. 9. № 1. С. 35-41.

ORIGINAL ARTICLE

UDC 93/94

The socio-demographic consequences of the modernization of landed estates in the Tambov Province during the late 19th and early 20th centuries

Ruslan M. ZHITIN, Aleksey G. TOPILSKY , Maksim A. OBLITSOV

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

a-topil@yandex.ru

Abstract. The features of the socio-economic activities impact of landowners on the surrounding peasant population are analyzed. It is established that a comparison of the demographic parameters of rural residents living in large capitalist farms areas and outside these areas makes it possible to assess the cultural and social transformations' degree of the traditional population under the modernization processes influence. It is shown that the shift to landlords for work and the change in the rural employment structure have modernized the peasantry behavior, affecting their marital characteristics complex.

Keywords: landowner's economy, agriculture, Russian Empire, Tambov province, modernization, peasants

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (Project no. 23-28-01782).

For citation: Zhitin, R.M., Topilsky, A.G. & Oblitsov, M.A. (2025). The socio-demographic consequences of the modernization of landed estates in the Tambov Province during the late 19th and early 20th centuries. *Derzhavinskii forum = Derzhavin forum*, vol. 9, no. 1, pp. 35-41.

ВВЕДЕНИЕ

Активная хозяйственная и культурная деятельность помещиков пореформенного времени вызывала специфические социальные и экономические трансформации в среде окрестного крестьянства. С одной стороны, дворянская усадьба выступала как реальный показатель противостояния привилегированного сословия и зависимого крестьянства; с другой стороны, случаи социального партнерства и помощь помещика сглаживали социальную напряженность в крепостнической деревне¹.

В пореформенное время активное взаимодействие помещиков и крестьян продолжалось. Капиталистические имения были теснейшим образом связаны с экономикой сельских общин, а жители последних шли на работу в экономии или арендовали там землю. Хозяйственная модернизация имений привела к тому, что и социально, и пространственно крестьяне были тесно встроены в производственный механизм помещиков, а экономическая деятельность последних оказывала мощнейшее трансформационное воздействие на социальное поведение, образ жизни и менталитет как наемных рабочих, так и населения крестьянской провинции. В связи с этим особый интерес представляет интенсивность и глубина самой связи помещичьих имений и кре-

стьян, степень влияния модернизации поместий на показатели традиционного крестьянского населения.

Мощным способом изучения социокультурных и экономических изменений традиционных групп населения являются методики исторической демографии. Как показывают исследования тамбовских специалистов, перемены в экономических, социальных и ментальных характеристиках крестьянства отражались на их демографии (рождаемости, брачности, смертности) [1]. Например, исследование Р.Б. Кончакова показало, что повышение уровня эрудиции и благосостояния пореформенных крестьян, находящихся в зонах экономического влияния железнодорожной инфраструктуры, вело к «ломке традиционной сезонности местных браков» [2, с. 136]. В этом смысле сравнение демографических параметров жителей сел, проживающих в районах крупных капиталистических хозяйств и вне этих районов, позволяет оценить степень культурных и социальных трансформаций традиционного населения под влиянием модернизационных процессов. В рамках нашего анализа объектом исследования станут крупные интенсивно развивающиеся тамбовские экономии, предметом – показатели социально-демографического поведения населения районов экономического тяготения данных хозяйств.

Постановка задачи. Уже с момента своего создания помещичье имение было местом встречи крестьянского и дворянского миров, являлось центром межкультур-

¹ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: ист. очерки / Я.Е. Водарский, Л.В. Иванова, Э.Г. Истомина. М., 2001. С. 13.

турного обмена, создавало и развивало уникальные типы взаимодействия двух социальных групп. При этом данные отношения были крайне разнообразны и противоречивы. В связи с этим в исследовании будет прослежен характер данных отношений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В характеристике традиционных групп населения именно брачность должна учитываться в первую очередь, так как браки в большей степени связаны с личным волеизъявлением человека. По сути именно параметры создания семьи являлись основополагающим измерением модернизации традиционной демографической модели и тесно связаны с характеристикой социальных перемен в ряде важных социально-демографических теорий (например, Д. Хаджнала [3]). В этом смысле динамика возраста брака у мужчин и женщин, их сезонность, изменение ареала брачного партнера, сословные и родственные характеристики брачующихся выступают надежным источником, иллюстрирующим тот факт, что происходящие в селе перемены уже затронули (или не затронули) комплекс традиционных мировоззренческих установок крестьянства.

По свидетельству специалистов, демографические характеристики русского крестьянина второй половины XIX века коррелировались с его представлением о семейно-брачных отношениях. Вступление в брак было моральным долгом и обязанностью каждого человека (Не женат – не человек. Холостой – полчеловека), способом стабилизировать материальное положение семьи (Жениться скорее – в дому прибыльнее). Взгляды на необходимость брака были закреплены в нормах обычного права, поддерживаемых крестьянской общиной вплоть до 1917 г. [4, с. 7].

Базовой константой брачности крестьянства являлось убеждение в необхо-

димости создания семьи в молодом возрасте (Много выбирать – женатым не быть). Ориентация на ранние браки в целом доминировала в тамбовской деревне на протяжении всего пореформенного периода. Согласно этнографическим данным из Елатомского уезда, полученным Г. Звонковым в 1889 г., браки местные сельчане заключали в 16–17 лет, при этом встречались случаи женитьбы 13-летних парней на 17-летних девушках [5, с. 245].

Средний возраст первого брака крестьянина европейской части страны в 1850-х гг. равнялся 18,2 года, крестьянки выходили замуж преимущественно в 18 лет. К началу 1910-х гг. средний возраст брачующихся женщин Российской Федерации достиг 21,4 года, средний возраст жениха в 1911 г. составлял 24,2 года [6, с. 169].

Российские крестьяне не признавали невозможность существования женщин вне семейной формы. Незамужние считались неполноценными, были хуже защищены нормами обычного права. Так, материалы волостных судов Тамбовской губернии показывают, что оскорблению замужней крестьянки каралось более строгим наказанием, чем незамужней [7, с. 39].

Комплекс традиционных взглядов крестьян на семью подкреплялся идеей богоугодности брачного союза мужчины и женщины. Церковь закрепляла и популяризовала идею греховности безбрачия, так как отношения полов были чисты только в таинстве брака. Исключение давалось только для людей с физическими или умственными недостатками, а также для тех, кто давал обет безбрачия. В соответствии с этим ценность венчания многократно возрастала, а фактические браки осуждались как сельчанами, так и церковным начальством. В глазах обычных людей такое поведение было греховным и не соответствовало общей морали [8, с. 164].

Необходимость вступления женщины в брак определялась и чисто экономическими причинами. В условиях четкой сег-

регации занятий на мужские и женские, уход за постройками, полевые работы, некоторые виды ремесел и промыслов считались мужской обязанностью и не входили в систему традиционных навыков, передаваемых девушкам при воспитании (Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе). Только союз мужчины и женщины мог обеспечить эффективность крестьянского хозяйства, быстрое решение бытовых вопросов. В деревне говорили: «В нашем быту без бабы невозможно; хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом» [9, с. 143].

Неженатые мужчины вызывали подозрительное отношение окружающих (Холостой – простой, женат – богат), их наделяли обидными прозвищами и не рассматривали как полноценных участников социальных и хозяйственных отношений в общине. Так, холостяки не могли рассчитывать на свой надел при земельных разделах, и в случае самовольного выделения лишались личных прав в крестьянской общине, так как только статус налогоплательщика делал его полноценным участником общинных процессов. Получение хозяйственной состоятельности заставляло крестьянских парней рано думать о браке.

Характерной особенностью брачного поведения традиционного крестьянства была сезонность браков. Большинство традиционных браков заключалось в осенний период. Так, в 1885 г. в Тамбовском уезде 64 % всех свадеб приходилось на октябрь–ноябрь. Из материалов обследования брачности в селах Ново-Жivotинном и Моховатке Подгоренской волости Воронежского уезда, проведенных А.И. Шингаревым, следует, что 81,7 % браков этих сел игралось в октябре–феврале [10, с. 188]. Этот период был связан с окончанием хозяйственных работ, появлением у крестьян денежных средств на торжество. Даже бедные семьи в это время ждали существенные траты. В начале XX века в рязанских селениях стои-

мость свадьбы в семье жениха могла обходиться в 50 руб. При этом общий годовой доход семьи средней руки в регионе в урожайный год не превышал 77 руб. Таким образом, свадьба могла требовать до двух третей семейного дохода крестьянства [11, с. 39].

Модель брачности российских сел заметно отличалась от городов. По данным Б.Н. Миронова, урбанизированный образ жизни делал городские браки более поздними. Так, в 1910 г. мужчина-горожанин создавал семью в промежутке между 27,7 и 26,8 годами, для женщины данные значения составляли соответственно 24,3 и 22,8 года [6, с. 169]. Вместе с этим в начале XX века в связи с ростом крестьянского отхода и привнесением в городские поселения сельской модели брачности местная демография стала меняться. В частности, наблюдалось повсеместное снижение среднего возраста женихов, при сохранении среднего возраста брака у женщин. Диспропорция, по всей видимости, объяснялась преимущественно мужским характером трудовой миграции [6, с. 169].

Однако не только урбанизация влияла на брачную демографию. На характер брачного поведения российского населения большое значение оказывал характер занятий целой местности. Самые молодые браки фиксировались в регионах с сильным доминированием аграрного комплекса и значительным крестьянским населением, позднее брачное поведение было больше свойственно промышленным регионам и территориям с высоким развитием крестьянских промыслов. Современники видели в этом влияние хозяйственных факторов на традиционную демографию. Если в полеводческих регионах родители стремились быстрее получить в дом молодую работницу, увеличив тем самым устойчивость местного хозяйства, то в промышленных поселениях лишний едок был обузой [6, с. 170].

Таким образом, народная традиция закрепляла всеобщий и ранний характер брака в русской деревне. Вместе с этим в пореформенное время наблюдалось повышение возраста женихов и невест.

Для выявления демографической составляющей модернизационных процессов в зонах развития крупных экономий были выбраны приход Покровского храма с. Токаревка², располагавшийся в районах экономической деятельности Знаменского имения Плоховых и Сатинской экономии Рымаревых (Тамбовский уезд), и приход Крестовоздвиженской церкви в с. Сосновка³, относящийся к зоне влияния Сосновского владения Бенкendorфов (Моршанский уезд). Выбор данных приходов соответствует критериям для создания выборки населенных пунктов. Первая группа критериев определяет уровень интеграции сельского населения в хозяйственную жизнь имения (наличие в селениях работников из экономии, хозяйственная инфраструктура владений на территории населенных пунктов и т. д.). Вторая группа определяет уровень сохранности источников базы (метрических книг приходов), необходимой для построения длинных рядов демографических данных. При этом тенденция поздних браков и повышение среднего возраста брачующихся может служить показателем изменений традиционного поведения, вызванного активной хозяйственной деятельностью помещиков.

Социально-экономические особенности развития имения Бенкendorфов определяли положение местного населения⁴. К

² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 1049. Оп. 5. Д. 6218, 6282, 6377, 6662, 7382.

³ Там же. Д. 6894, 6688, 6946, 7092, 7039, 8095.

⁴ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / изд. канц. Тамб. духов. консистории под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов, 1911. С. 132-133.

концу XIX века в Сосновке работали 5 школ, почтовое отделение, ссудо-сберегательная касса, земская больница. Проводились две крупные ярмарки – Георгиевская и Воззвиженская. На первой ярмарке торговали лошадьми, на второй – хлебом и рогатым скотом. Строительство отдельной железнодорожной станции в селе Сосновка определялось активной хозяйственной деятельностью местного владения Бенкendorфов и повышенной урожайностью помещичьего полеводства.

Брачность села Сосновка на протяжении 1865–1907 гг. в целом отражала традиционную модель демографического поведения крестьянского населения. Однако в период экономической модернизации имения Бенкendorфов (1889–1894, 1897–1901 гг.) доля «нетипичных» браков (апрель–август) постепенно растет. В 1889 г. было зафиксировано 3 таких брака, в 1891 г. – 4, 1893 г. – 6, в 1899 г. – 6 браков. В 1911 г. в метрических книгах отражены сведения о 8 «нетипичных» браках. Основной категорией «несезонных» женихов были безземельные крестьяне, зарабатывающие на жизнь в качестве годовых работников в Сосновской экономии.

Ввод в эксплуатацию станции железной дороги привносил свою специфику в брачность села. В июле 1893 г. священником села был зафиксирован брак между сосновской крестьянкой и потомственным почетным гражданином г. Москвы, служащим в почтово-телеграфном отделении с момента открытия станции.

Аналогичные процессы наблюдались в брачном поведении населения села Токаревка. С развитием экономической деятельности Шаминых и Плоховых и строительства токаревской станции железной дороги общее количество «нетипичных» для крестьян летних и весенних венчаний сильно возросло. В общей совокупности, в течение всего периода наблюдений (1877–1900 гг.) на апрель–май пришлось 5,2 % (40 венчаний) всех браков, на июнь–июль

3,13 % (25 венчаний) и на август 0,5 % (4 венчания). В 1890 г. было зафиксировано 3 «нетипичных» брака, в 1891 г. – 5, 1893 г. – 8, в 1895 г. – 6 браков. На связь летних браков и перемен в структуре занятости местного населения указывали сведения о неземледельческих занятиях крестьян с. Токаревка, а также появление работников станции и имения среди женихов и невест.

На изменения брачного поведения населения с. Сосновка и с. Токаревка указывает и возрастная динамика местных брачующихся. В структуре демографического поведения указанных приходов преобладали ранние браки, характерные для аграрного населения (в среднем по двум селам: 23,8 года у мужчин, 21,7 года у женщин). Однако в обоих селах прослеживалась тенденция к постепенному увеличению возрастных характеристик брачующихся, что говорит о модернизации традиционных устоев в поведении крестьянства. В 1905 г. количество браков,

заключенных в нетипичный для аграрного населения возраст (от 24 лет), превышало треть от общего количества в каждом населенном пункте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изменения в брачном поведении с. Сосновка и с. Токаревка были связаны с переменами в структуре занятости населения. Отход на заработки к помещикам и изменение структуры сельской занятости модернизовало поведение крестьянства, отражаясь на комплексе их брачных характеристик. Важным подтверждением этого служит увеличение возраста вступления в брак и постепенный рост количества венчаний в весенне-летний период. В целом материал исследования позволил подтвердить влияние модернизационных процессов имений на изменение демографии традиционного населения, включенного в экономическую деятельность помещиков.

Список литературы

1. Канищев В.В. Кластерный анализ демографического поведения сельского населения европейской России в начале XX века и в начале XXI века. К постановке вопроса // Ineternum. 2011. № 1 (4). С. 43-55. <https://elibrary.ru/oguvmv>
2. Кончаков Р.Б. Сезонность браков в пристанционных селах: к вопросу изучения модернизации демографического поведения крестьянства в 1860–1900 гг. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 1 (59). С. 136-142. <https://elibrary.ru/rwglzd>
3. Хаджнад Дж. Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. С. 14-71.
4. Смирнов А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877.
5. Комарова О.Д. Демографические аспекты изучения семьи // Семья: традиции и современность. М., 1990. С. 240-245.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 547 с.
7. Безгин В.Б. Правовая культура русского села (вторая половина XIX – начало XX веков). Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2012. 79 с. <https://elibrary.ru/qsrxbj>
8. Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012. 299 с. <https://elibrary.ru/sgfauz>
9. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. 446 с.
10. Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двухселений Воронежской губернии. СПб., 1907. 223 с.
11. Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма / сост. М.И. Вострышев. М., 1989. 719 с.

References

1. Kanishchev V.V. (2011). Cluster analysis of the demographic behavior of rural populations in European Russia at the beginning of the XX century and the beginning of the XXI century. *Internum*, no. 1 (4), pp. 43-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oguvmv>
2. Konchakov R.B. (2014). Seasonality of marriages in station villages: to the issue about studying of modernization of demographic behaviour of the peasantry in 1860–1900-s. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*, no. 1 (59), pp. 136-142. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rwglzd>
3. Khadzhnal Dzh. (1979). The European type of marriage in perspective. *Sbornik statey «Brachnost', rozhdaemost', sem'ya za tri veka» = Collection of Articles "Marriage, Fertility, Family in Three Centuries"*. Moscow, pp. 14-71. (In Russ.)
4. Smirnov A.G. (1877). *Essays on Family Relations According to the Customary Law of the Russian People*. Moscow, 259 p. (In Russ.)
5. Komarova O.D. (1990). Demographic aspects of family studies. *Sem'ya: traditsii i sovremennost' = Family: Tradition and Modernity*. Moscow, pp. 240-245. (In Russ.)
6. Mironov B.N. (2003). *The social history of Russia during the Empire period (18th – early 20th centuries)*: in 2 vols. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., vol. 1, 547 p. (In Russ.)
7. Bezgin V.B. (2012). *Legal Culture of the Russian Countryside (the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)*. Tambov, 79 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qsrxbj>
8. Mukhina Z.Z. (2012). *Family Life and Everyday Peasants' Life of Kursk Province: Traditions and Dynamics of Changes in Post-Reform Russia*. Moscow, 299 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sgfauz>
9. Gromyko M.M. (1991). *The world of the Russian village*. Moscow, 446 p. (In Russ.)
10. Shingarev A.I. (1907). *An Endangered Village. The Experience of Sanitary and Economic Research of Two Villages of the Voronezh Province*. St. Petersburg, 223 p. (In Russ.)
11. Vostryshev M.I. (compiler) (1989). *Eyewitness Notes: Memoirs, Diaries, Letters*. Moscow, 719 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Житин Руслан Магометович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, istorik08@mail.ru

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, a-topil@yandex.ru

Облицов Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, mr.maximoblitsov@mail.ru

Information about the authors

Ruslan M. Zhitin, Cand. Sci. (History), Research Scholar of Fractal Modeling of Social and Political Processes Center, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, istorik08@mail.ru

Aleksey G. Topilsky, Cand. Sci. (History), Associate Professor of History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, a-topil@yandex.ru

Maksim A. Oblitsov, Cand. Sci. (History), Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, mr.maximoblitsov@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 11.10.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.12.2024

Принята к публикации / Accepted for publication 03.03.2025